

ШАДОУ-ШЕМИ

Бостон, 1950-е

ИНОГДА, ЧТОБЫ
СТАТЬ СОБОЙ,
НУЖНО ПРИМЕРИТЬ
ЧУЖОЮ ЖИЗНЬ.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

PERSONA:
VIRGINIA HALLWARD

*Observation.
Imitation.
Disappearance.
Become her.*

18+

Путеводная Путеводная Шадоу-Шелли

<https://litres.ru/74038378>

SelfPub; 2026

Аннотация

Актриса, потерявшая имя, ищет славы и признания. Таинственный поклонник замечает ее талант и предлагает авантюру: заменить популярную звезду всего на один вечер. Но так ли прост этот загадочный джентльмен? И какой он видит ее на самом деле?

Нуарная мистическая драма про несостоявшуюся актрису в Бостоне 50-х.

Содержание

Глава	4
1.	5
Глава	10
2.	11
3.	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Путеводная Шадоу-Шелли

Глава

1.

Новое имя казалось ей удачным. «Даяна – глоток свежего воздуха для Бостонской сцены!» – вот что напишут в газетах. Ее прошлые Люси, Кесси, Долли даже близко не стоят – слишком блеклые, такие... Посредственные.

Она кинула монету продавцу в высоком киоске, заваленном журналами и газетами до самой хлипкой крыши, и жадно впилась глазами в страницы Бостонского вестника сквозь большие солнечные очки. Она листала: сначала размеренно, потом все быстрее, остервенело выискивая это имя.

Свое имя. Нужно отбросить ощущение непривычной новизны и впаять его в личность как можно скорее.

По вчерашней луже перед киоском пошли круги. Капли падали на девушку, на ее черную шляпу с широкими полями и на серую бумагу, размазывая случайные слова, и ни одно из них не имело к ней никакого отношения.

Этот ублюдок-журналист ее обманул.

Хлипкая дверь номера в дешевом замызганном отеле, мигающая лампа в узком коридоре и тошнотворный запах плесени. Место, куда он привел ее накануне, после выступления.

Она уже не спрашивала себя, почему купилась, почему решила довериться этому отбросу. После стольких переездов, прослушиваний, проб и мужчин ее не интересовал процесс, только вновь и вновь разочаровывал результат, и все равно она надеялась, что это – очередной шанс.

Она постучала. Не слишком часто, но достаточно громко, чтобы ее нельзя было проигнорировать.

Копошение за дверью – стук бутылки, приглушенный грохот и тихие ругательства. «Ну кто там еще? Мне ничего не нужно!»

Она постучала снова – всего пару раз, подчеркивая важность визита.

«Дьявол... Сейчас, сейчас...» Пара ударов об пол, бряканье пряжки. Наконец щелкнул ключ – дверь на цепочке открылась. Вот он, сонный и опухший от алкоголя Кит Уорри, «перспективный журналист» и «театральный критик» из Нью-Йорка.

Она никогда не была в Нью-Йорке, но обязательно переедет туда, когда станет *настоящей* актрисой.

Кит проморгался, медленно поднимая взгляд с ее декольте.

– О, дорога-а-а-я...

И, всмотревшись, вдруг увидел в ее лице что-то, что заставило его расширить глаза в немом ужасе.

Когда он попытался захлопнуть дверь, в проеме появился огромный гаечный ключ.

– Господи, женщина! Что ты творишь?!

Зацепив, она подхватила цепь и сорвала ее, вытолкнула легкую дверь и оказалась внутри. Как быстро он превратил среднячковый, но все же опрятный номер в темную, сальную и пыльную пещеру.

Кит отступил от нее, высокой и грозной, споткнулся о какой-то мусор и рухнул на ковролин, испорченный разводами.

– Что с тобой?! З-зачем тебе железка? Что ты задумала?

– Одолжила в автомастерской за углом. Обещала вернуть чистым.

– Вс... В каком смысле?..

– Значит, придется бить через одежду, чтобы не испачкать. Даже жаль, что из вещей на тебе только брюки.

Он растерянно отползал к окну.

– Какого?! С-сумасшедшая сука!

– Я устала от лживых ублюдков, как ты.

– Я не врал! Я же показал тебе удостоверение! Вот оно, на столе, посмотри еще раз и успокойся, мать твою!

– Тогда почему же ты не в офисе издательства, Кит? Почему секретарша из «Вестника» даже не слышала о таком «критике»?

Его лицо ходило ходуном, вытягивалось и пружинило обратно, сжимаясь, как резиновая пищалка.

– Она просто идиотка, новенькая, еще не выучила мое имя!

– Идиотка здесь только одна, Кит – я. И все из-за тебя.

Тонкая рука в черной перчатке сжимала увесистый гаечный ключ. Она надвигалась, пошатываясь, но еще не заносила его для удара.

– Умоляю, у-убери эту штуку! Давай поговорим, и я все тебе объясню...

– Ты не подумай, Кит. Я не злюсь. Это уже не важно. Просто кажется, что мне полегчает, если заставлю тебя хо-рошенько поразмыслить.

– Прошу, дорогая, не надо! Моя хорошая, просто послушай...

Она замерла над ним, и он резко замолчал, не сводя глаз с металла на уровне его носа.

– ...Как ты меня назвал?

Кит совершенно растерялся. Невозможный мысленный процесс отразился на его дрожащей физиономии: страх, попытки вспоминания, отчаянное рвение оправдаться.

– Кит, как меня зовут? Ты слышал на постановке, я написала в твоём блокноте.

– Лю... Нет, э...

Забавно. Она сама каждый раз напоминала себе, наговаривала перед зеркалом каждое утро и каждый вечер, повторяла перед сном и представлялась на десятках проб.

И каждый раз новые имена отскакивали от нее, не желая подчиняться, выскальзывали, как вода из плотно сжатого кулака.

Вдох.

– Знаешь что, Кит? Не важно. Забудь. Просто... Не стой у театра и не попадайся мне на глаза.

Она развернулась, уходя. Черные ботильоны, пройдя по ковровину, больше не оставляли мокрые следы.

Почувствовав, что ему ничто не угрожает, Кит поднялся, опершись на подоконник, и бросил ей вдогонку:

– Это Джеймс Прайс. Он заплатил мне за твой автограф. А ты придумала себе что-то охренительное и сама была рада прыгнуть ко мне в постель! Как же он «обрадуется», когда узнает, что ты не просто шлюха, но еще и сумасшедшая!

Она остановилась перед порогом, взвешивая ситуацию и необходимость все же оставить ему пару синяков. Просто чтобы он воспринял ее всерьез. И решила, что ей это не нужно.

Шаг в коридор, под мигающий свет тусклых ламп, и прочь.

Джеймс Прайс, ха? Как будто она поверит, что это – настоящее имя.

Глава

2.

– ЧТО ты сделала?!

У Мэл чуть челюсть не отпала.

– Я его не тронула. Просто припугнула.

Мэл даже отложила книгу, которую читала – очередной бульварный роман, который пополнит ее бессчетную коллекцию дешевого чтива под кроватью.

– Это на тебя не похоже...

Не обращая на соседку внимания, актриса стянула шляпу и устроила поверх горы вещей на вешалке. Сняла жемчужные серьги – слишком легкие для настоящих. Прошла мимо комода с горами из косметики, бумаг, чеков и прочего хлама – в ванную, где с самого их заселения не было двери. Следуя за ней до входа, Мэл включила там свет и посмотрела на подругу в зеркало – встревоженная.

– Ты в порядке?

– Да.

– ...Как твой спектакль? Ты так и не рассказала.

– Нормально.

Вода медленно пробиралась по трубам, прежде чем полилась из душа под низким потолком. Мэл кивнула самой себе, отходя:

– Сделаю кофе.

Холодная вода обожгла голые плечи.

Аромат дешевого кофе заполнил всю их крохотную загроможденную квартиру. Теплая чашка грела ладони. Кровать Мэл у окна, чтобы читать в лунном свете, а у актрисы – напротив, в темном углу. Она сидела с чашкой на коленях, приклонившись спиной к стене, и слышала каждую машину, минувшую их здание.

Веяло холодом, но будет слишком душно, если запереть ставни.

Мэл неуверенно поглядывала на нее. Ждала продолжения истории, зная, что вытягивать вопросами – бесполезно.

– Давай так: я спрошу у девочек про этого Прайса.

– Нет никакого Прайса. Кит выдумал это, чтобы меня накрутить.

– Ну он же назвал полное имя. Я попытаюсь что-то узнать, и если получится – хорошо, если нет – забудем о нем. Мы ведь ничем не рискуем.

Актриса помолчала.

– Ладно.

– Не переживай. Может, это все-таки тайный поклонник, богатый, но слишком скромный...

– «Тайник» – такая дыра, ни один богач не окажется там по собственной воле.

– И все же это настоящий театр!

– Нет. Всего лишь крохотная подпольная сцена.

Мэл вздохнула.

– Когда на следующие пробы?

– Часа через три.

– Планируешь вернуться к ночи?

Если только не отправится к очередному режиссеру на очередное прослушивание.

– Как пойдет.

Мэл выглядела скептически.

– А если тебя опять обманут?

– У меня ничего нет, терять нечего.

– Это не так. В конце концов, ты можешь быть в опасности...

– Ты делаешь то же самое, и все в порядке.

– Мне за это хотя бы платят.

– Ради гонораров за большие роли я готова подождать.

Не стоило ничего говорить. Мэл почему-то слишком переживает за нее. Гораздо сильнее, чем она заслуживает.

Соседка растянулась на своей кровати, подцепив книгу, но прежде, чем окунуться в чтение, задумчиво протянула, уставившись в потолок:

– А может... Представь, что он и правда какой-то таинственный богач. И влюблен в тебя с тех пор, как случайно увидел на сцене. И тушует, потому что знает, что впереди у тебя блестящая карьера – а отнять такое сокровище у мира, усадив в золотую клетку, слишком эгоистично... Но он просто не в силах избавиться от мыслей о тебе. И поэтому

не смог устоять, выкупив твой автограф у этого болвана.

– Как романтично. Лучше бы дал денег мне, на нормальное жилье.

– Перестань. Разве тебе не хочется? Чтобы все резко изменилось, раз, – и как в сказке.

– В жизни так не бывает. Либо ты богат и у тебя все получается – либо тебе должно очень сильно повезти.

– Какая ты циничная... Еще и актриса. Разве у тебя нет простой женской мечты, какого-то тайного желания?

Она давно ничего не чувствовала. Просто хотела продвигаться, оказаться в театре получше – любой подойдет, – и так шаг за шагом, оказываясь на сценах крупнее и важнее, Даяна будет становиться все более значимой. Ведь это хорошая история для знаменитости: о победе наивной, но талантливой особы над суровым и бесчувственным миром. Не сразу, а в течение долгой, упорной борьбы. Битва не окончена, она еще достаточно молода. Рано или поздно ей должно наконец повезти, и тогда все получится.

А если нет – она сама все закончит, быстро и безболезненно.

Снова – пятно света в темной общей гримерке.

Накраситься – водить по лицу привычно, бездумно, под звуки разговоров и беспочвенных сплетен.

Выйти из-за темных кулис на обветшалую сцену подвального театра – вряд ли это законное заведение, но они платили, и ей было все равно.

Чем мрачнее фон, тем ярче будет ее триумф.

«Ты существуешь только благодаря мне и мною же пренебрегаешь!»

Актриса играет служанку, служанка играет госпожу, а другая служанка играет ее – до тех пор, пока обе не зайдут слишком далеко.

«Я могу сделать, чтобы ты перестала существовать. Но я добра, прекрасна, и я презираю тебя. А отчаянье любовницы делает меня еще прекрасней!»

И тогда они обе погибнут, и актриса будет свободна – до следующей постановки, где она вместе с гримом наденет новую маску и снова станет кем-то другим, кем-то более **настоящим**.

Поклон для почти пустого зала. Никто не покинул мест – это хорошо. Для Даяны Грей даже аплодировали – громче, чем для трех ее коллег. Но это ничего не значит. Она знает, что умеет нравиться и играет отлично.

Был ли среди них кто-то **особенный**?

Может быть.

Она рухнула на табурет, чувствуя, как ноги и руки тяжелы, а на плечи навалилась усталость. Нужно смыть грим, а это займет какое-то время. Сделай, и затем сможешь отдохнуть.

Делай – и время пройдет быстрее.

На краю зеркала отразилось красное пятно.

Перед гримеркой, не смея войти внутрь, стоял курьер с огромным букетом алых роз. Он не с первого раза, но все же достал лист с поручением, и прочитал:

– «Шарлотта Дрейк». Есть здесь мисс Дрейк?

Она оглянулась.

Перехватив ее взгляд, он без колебаний приблизился и, водрузив букет на стол, поднес ей лист на планшете вместе с ручкой.

Она расписалась – не задумываясь, как именно, выискивая взглядом строку с именем отправителя.

«Салливан Д. Прайс».

Кивнув, курьер пожелал доброй ночи и ушел так же быстро, как появился.

Вот оно. Это ее шанс.

Жар софитов, вспышки фотоаппаратов и оглушительные аплодисменты.

3.

Сколько просмотров, кастингов и интервью нужно пройти, чтобы стать знаменитым?

Конечно, это неправильный вопрос. Вернее будет: что ты делаешь и на что готов, чтобы стать кем-то *важным, особенным, неповторимым*?

Актриса смотрела на свое отражение – мутный образ на поверхности черного крепкого кофе. На другом конце бара официант протирал стойку, зевая. Пять утра – слишком поздно (или рано), чтобы кто-то настойчиво требовал его внимания.

Он вяло прошел к холодильнику и потянулся к радио – переключил спокойную классику на новости. Опомнившись, взглянул на девушку – актриса безразлично пожала плечом.

Ей было все равно. Просто не хотелось возвращаться домой.

Он едва отнял руку от приемника, как черед помех заставила его еще поколдовать над настройкой. Актриса закрыла глаза, вслушиваясь в белый шум, из которого проклевывались то обрывки фраз, то звуки симфоний, то бодрые ансамбли вперемешку с бессмысленным шумом. Нити радиопередач смешивались в неразборчивый хаос и выходили из него по команде, теряя и обретая форму, снова и снова. Внятный

образ распадался на фрагменты и собирал себя во что-то совершенно иное по характеру, ритму и голосу. Идеальный актер.

Она знала, что должна чувствовать вне сцены – растерянная, почти отчаявшаяся девушка на пути к волшебной мечте. И каждый раз встречая кого-то, кто обещает ей помощь, оказывается обманутой. Исключительно драматическая роль, даже своего рода трагическая.

Ей нравились трагические сюжеты. Она считала их красивыми. Только вот публике больше по душе истории успеха и счастливые финалы, где герои получают что хотят. Иначе ты неудачник и ничтожество, не достойный стать кем-то важным. Засчитывается только победа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.